

КУРИЛЬНИЦЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВОЧИГОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА И ВОПРОС О САРМАТСКИХ «ЖРИЦАХ»*

В. Д. Березуцкий

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 24 февраля 2022 г.

Аннотация: в савромато-сарматской археологии существует до сих пор не решенная проблема выделения исполнителей религиозных обрядов – жриц. Данных для отнесения погребений с курильницами к сарматским «жрицам» нет, поскольку вопрос о наличии таковых в сарматском обществе не решен. Сложным остается и тесно связанный с этой проблемой вопрос о материальных предметах, несущих культовую нагрузку. Для среднесарматской культуры такими предметами могут являться лепные глиняные курильницы, распространенные на широкой территории обитания сарматских племен. В статье рассмотрены погребения с курильницами одного из хорошо исследованных курганных могильников Среднего Дона – Новочигольского. Сделан вывод об участии погребенных женщин с курильницами в отпращивании различных религиозных обрядов.

Ключевые слова: курганы, погребения, сарматы, сарматская культура, ритуальные сосуды.

Abstract: in Savromato-Sarmatian archeology, there is still an unsolved problem of distinguishing the performers of religious rites – priestesses. There is no data for attributing burials with incense burners to Sarmatian «priestesses», since the question of the presence of such in Sarmatian society has not been resolved. The issue of material objects bearing a cult load remains a difficult one, which is closely related to this problem. For the Middle Sarmatian culture, such objects may be stucco clay incense burners, common in a wide area of the Sarmatian tribes' habitat. The article considers burials with incense burners of one of the well-researched burial mounds of the Middle Don – Novochigolsky. The conclusion is made about the participation of buried women with incense burners in the performance of various religious rites.

Key words: barrows, burials, Sarmatians, Sarmatian culture, ritual vessels.

Среди трудноразрешимых вопросов в сарматской истории и археологии является вопрос о возможном наличии и роли в таком случае сарматских женщин, осуществлявших магические обрядовые действия.

Со времени обнаружения графом А. А. Бобринским в Среднем Поднепровье «каменных алтариков» (по мнению исследователя, для заточки оружия и, возможно, растирания красок [1, с. 88–89], а также зерен [2, с. 79]), первых попыток интерпретации их в религиозном ключе [3, с. 7] в савроматской археологии возникло не только два направления в изучении «каменных алтариков» (косметическая гипотеза А. А. Бобринского и культовая П. В. Алабина), но и проблема наличия в савромато-сарматском обществе профессиональных «жриц». В 1947 г. впервые Б. Н. Граков высказался в пользу мнения о наличии в савроматском обществе профессиональных «жриц» [4, с. 109], и этот взгляд был поддержан К. Ф. Смирновым [5, с. 166].

Эти выводы породили дискуссию о возможности наличия в савромато-сарматском обществе профессиональных исполнителей религиозных обрядов, а также поставили вопросы о положении в нем женщин, об уровне социальной организации кочевого общества. Вопрос о причинах высокого положения женщины савроматов и сарматов был успешно решен А. М. Хазановым, показавшим, что причина этого явления кроется не в наличии пережитков матриархата (у савроматов), как считал, в частности, Б. Н. Граков, а в матрилинейности рода в кочевом патриархальном обществе (он определил его как «позднематеринский»), который не являлся этапом при переходе к патриархальному укладу, а существовал параллельно с ним. При этом решающая роль в обществе принадлежала мужчинам [6, с. 139]. Вопросы же об уровне социальной организации савромато-сарматского общества, исполнителях религиозных обрядов – так называемых «жрицах» – остаются еще далекими от своего решения.

Дискуссионными являются вопросы выделения предметов, несущих культовую нагрузку. Причину этого явления можно понять, поскольку кочевники обитали на обширных степных пространствах и в

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-360002.

© Березуцкий В. Д., 2022

этих условиях трудно ожидать единообразия в наборе культовых предметов. Тем не менее применительно к среднесарматской культуре нельзя не обратить внимания на глиняные курильницы. Они нередко встречены в среднесарматских погребениях междуречья Волги и Дона, на Нижнем Дону и Нижней Волге, бывают разных типов и вариантов, что показано подробно К. Ф. Смирновым [7]. Исследователь не говорит о принадлежности курильниц сарматским «жрицам», а лишь сообщает, что с IV в. до н. э. со времени сложения прохоровской культуры курильницы стали применяться в погребальном обряде всех сарматских племен. При этом указывается на наличие в курильницах или рядом с ними реалгарга, мела, смолистых веществ. Так же как и А. М. Хазанов, К. Ф. Смирнов отмечает их встречаемость как в женских, мужских, так и детских погребениях, в женских процент встречаемости больший, чем в иных половозрастных группах [там же, с. 168].

А. М. Хазанов пишет, что к III в. до н. э. каменные алтари выходят из употребления. Их частично заменяют глиняные курильницы-плошки, известные в предшествующее время, но не имевшие широкого распространения в культовых обрядах. Однако подобные курильницы встречаются уже не только в женских, но и в мужских погребениях, хотя в женских все-таки чаще [6, с. 142]. При этом А. М. Хазанов со ссылкой на Псевдо-Гиппократа полагает, что наряду с военными функциями, высоким социальным положением в обществе женщины сарматов отправляли «жреческие функции».

Таким образом, в сарматской археологии не сложилось единого мнения о наличии или отсутствии «жриц», ритуальных предметах, отражающих этот слой общества. Остается до сих пор неясным и вопрос о принципах выделения жреческого сословия, если это вообще возможно при условии наличия особых обрядов для «женщин-жриц» [8–10].

Вопрос об отправителях религиозных обрядов на территории лесостепного Подонья еще никем не затрагивался. Подступить к этому вопросу хотя бы на начальной стадии позволяют исследования Новочигольского могильника. Это единственный могильник в лесостепном Подонье (самый крупный сарматский могильник на Среднем Дону), где впервые для сарматских памятников этого региона проведен антропологический анализ погребенных и получены половозрастные данные по большинству погребений. Из исследованных на Верхнем и Среднем Дону могильников (Чертовицкие, Вязовский, Писаревский, Третьяковский и др.) антропологический анализ не проводился, поскольку останки скелетов плохо или вовсе не сохранились, большинство курганов ограблено.

В Новочигольском могильнике обнаружено 20 погребений среднесарматской культуры [11, с. 126–154]. Из 20 погребений, которые имеют антропологические данные, 6 скелетов принадлежат мужчинам, 10 – женщинам, 2 – детям, которые были похоронены в отдельных могилах в тех же курганах, что и взрослые члены общества (сопровождающие погребения). Двое детей были захоронены с женщинами в одной могиле под одним курганом.

Минимальный возраст мужчин составил 30–35 лет, а максимальный – 40–50 лет. Минимальный возраст женщин – 18–20 лет, максимальный – 40–50 лет. Дети были погребены в возрасте 1–2 и 7–8 лет. При этом женщина в возрасте 18–20 лет в могильнике лишь одна. Остальные показывают высокий возраст дожития – от 25–30 до 40–45 лет. Похожая картина наблюдается среди мужчин – от 30–35 до 40–50 лет. Как видим, мы имеем дело с ненормальной популяцией, а следовательно, умершие для захоронения под курганом избирались по каким-то неясным нам критериям. Могильник в итоге показывает престижный характер подкурганного обряда погребения. И это, видимо, лишь частный случай применительно к сарматским могильникам лесостепного Подонья [там же, с. 145].

Далее нас будут интересовать погребения, в которых имеются предметы, связанные с отправлением различных культов. Среди таких предметов исследователи отмечают в первую очередь глиняные курильницы, в том числе и парные (одна курильница (малая) вставлена в другую (большую)), а также наличие свидетельств применения огня, мела, краски.

Отметим сразу, что ни детские, ни мужские погребения в могильнике не были наделены предметами культа. В них ни разу не встречены следы огненного ритуала, мел, краска, нет курильниц. Мужчины здесь выступают как воины, вооруженные мечами, кинжалами или (в одном случае) луком со стрелами (в погребении найдены останки колчана со стрелами и удила). Женские погребения выглядели иначе.

Из 10 женских погребений в трех обнаружены лепные глиняные курильницы: в одном «кубышка», в двух других встречены парные курильницы. Кроме того, в этих погребениях отмечаются некоторые «нестандартные» обрядовые признаки, о которых речь пойдет далее.

Погребение 4/1 (рис. 1). Основное и единственное погребение в кургане. Погребальное сооружение представляло собой овальную яму 1,05 × 2 м, ориентированную по линии юго-восток – северо-запад и углубленную в материк на 0,4 м. В северо-восточной части ямы найдены фрагменты деревянного перекрытия.

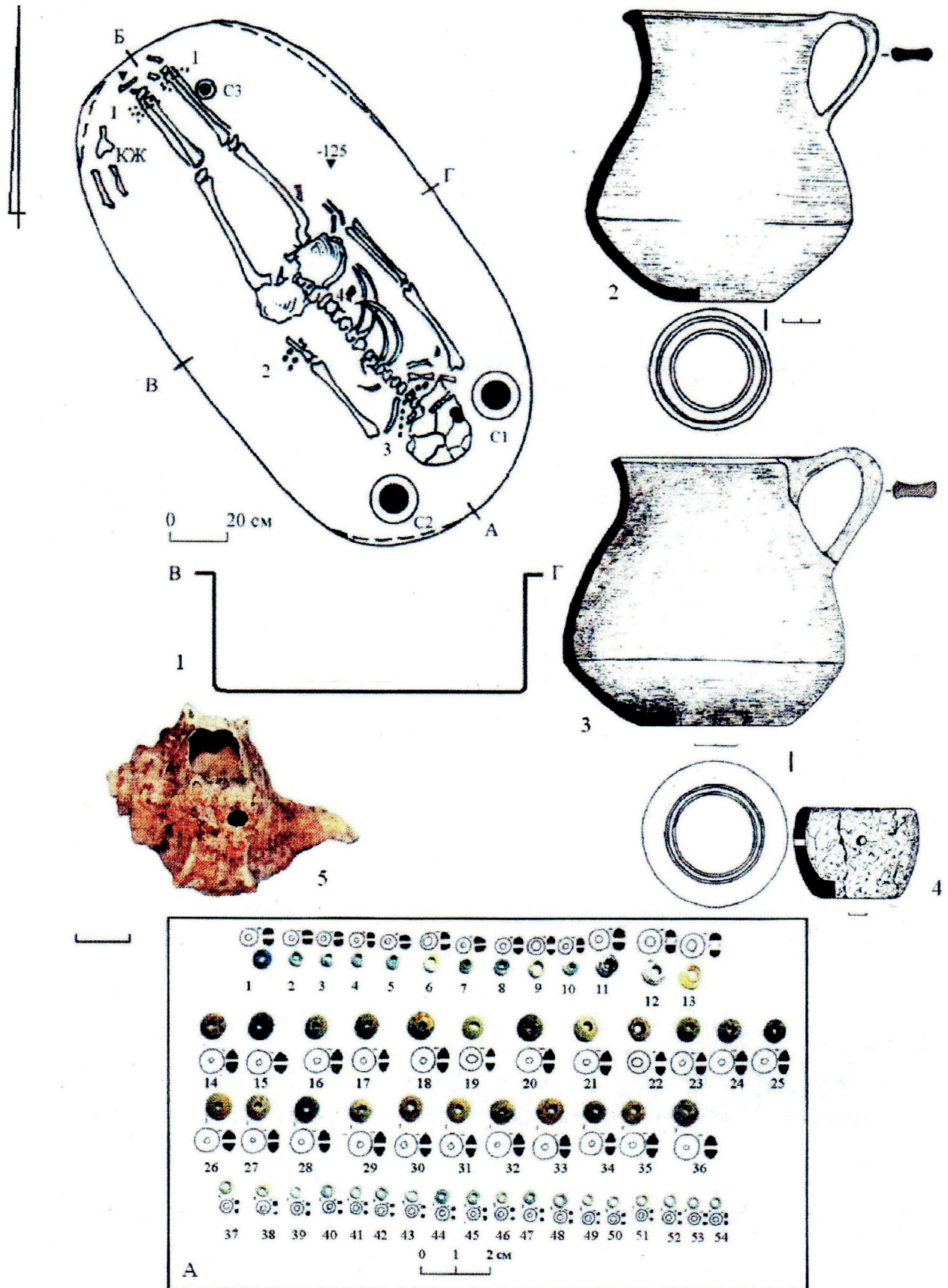

Рис. 1. Новочигольский могильник, погребение 4/1:

1 – план и профиль погребения; 2, 3 – сосуды; 4 – курильница; 5 – раковина; А – бусы. 2–4 – глина, А – паста

На материковом полу ямы лежал скелет женщины 30–35 лет¹ вытянуто на спине головой на юго-восток, череп лицевой частью повернут на северо-восток. Отметим, что скелет сохранился хорошо и не был потревожен сурчиными норами, но у погребенной отсутствовала лучевая и локтевая кости левой руки и кисть этой же руки (сохранились лишь начальные фрагменты костей у локтя погребенной).

У юго-восточной стенки ямы находились фрагменты ног овцы, а в засыпке ямы – лопатка этого животного. В погребении обнаружены три глиняных сосуда, стеклянные бусы, а в районе пояса – раковина.

Сосуд 3 представлял собой курильницу в виде лепной банки со стянутым устьем и плоским дном («кубышка») (см. рис. 1, 4). По центру имеется круглое отверстие диаметром 0,5 см. Глина грубая, плохого обжига, потому, по мнению исследователей, что лепные курильницы изготавливались непосредственно при похоронах.

Раковина (см. рис. 1, 5) относится к широко распространенному типу раковин Средиземноморья – *Murex brandaris* L (по классификации К. Линнея) или *Bolinus brandaris* – мурекса пурпурного. Интересно отметить, что на поверхности раковины имеется два просверленных отверстия². Возможно, ракушка размещалась на деревянном стержне, который был пропущен через большое отверстие и устье. Круглое отверстие служило для закрепления ракушки на стержне путем использования гвоздика. Не исключено, что через большое отверстие пропускался шнур, а круглое отверстие служило для закрепления ремня. Как бы то ни было, ракушка не имела какого-то утилитарного значения, а являлась, как представляется, культовым предметом.

В ногах умершей, а также на левой руке у локтевого сгиба и в районе шейных позвонков находились низки стеклянных бус.

Погребение 11/2 (рис. 2). Впускное погребение в курган эпохи бронзы. Погребальное сооружение – почти квадратная яма 2,1 × 2,3 м, ориентированная по линии север–юг и углубленная в материк на 0,8 м. На органической подстилке коричневого цвета на спине по диагонали ямы головой на юго-запад лежал скелет женщины 35–40 лет. Так же, как и у предыдущего скелета, отсутствовали лучевая и локтевая кости левой руки вместе с кистью. Следов кисти не обнаружено и на правой руке.

В погребении находились одноручный кружальный кувшин, миска, парный набор курильниц, металлическое зеркало (фрагментировано), бусы в районе

шеи и ступней. На полу лежали кости овцы (фрагменты передних ног с двумя лопатками) и разложившиеся две створки раковины-перловицы, располагавшиеся на углях. На углях же лежали фрагменты зеркала и стояли курильницы.

Малая курильница «стопка» (рис. 2, 4) стояла в большой курильнице – «стакане» (рис. 2, 3). Большая курильница орнаментирована по верхней части тройными треугольниками, сделанными острой палочкой. По тулову проведены вертикальные и горизонтальные пересекающиеся линии. Глина серая, сырая, плохого обжига. Стенки вертикальные, верх уплощен, а края его чуть отогнуты наружу и внутрь. Дно плоское и без закраины. Внутри курильницы находились древесные угли (поэтому большую курильницу еще называют «жаровней»). Малая курильница «стопка» лепная, имеет форму в виде открытой банки с расширяющимся закругленным верхом, плоским дном. В боку сосуда проделано круглое отверстие диаметром 0,8 см.

Погребение 27/2 (рис. 3). Впускное погребение в курган эпохи бронзы. Погребальное сооружение представляло собой почти квадратную яму 1,8 × 1,9 м, ориентированную углами по линии ЮЗ-СВ – ЮВ-СЗ. Глубина могилы в материке составила 0,3 м.

На материковом дне ямы лежал скелет женщины 40–45 лет по диагонали с угла на угол головой на юго-запад. Положение рук неестественно: левая рука вытянута прямо и в сторону, правая же, согнутая в локте, также отстранена в сторону. Ступни располагаются неестественно: они были развернуты пальцами друг к другу (рис. 3, 2).

При погребенной находились сосуд (небольшой сероглиняный кувшинчик без ручки), две курильницы из глины (одна в одной), терочник, нож, железные трехлопастные наконечники стрел, красно-розовые кристаллы, кости ноги овцы.

Курильницы (рис. 3, 4, 5) находились у правого бедра погребенной. Обе курильницы имеют слабые следы обжига. Большая курильница представляла собой «стакан» (рис. 3, 4). Она лепная, форма цилиндрическая. Верх плоский, дно без закраины. По верху сосуда нанесена прочерчиванием палочкой горизонтальная линия. Ниже нее расположены зигзагообразные линии этим же инструментом. Глина серо-коричневая, тесто сырое и слабо обожженное.

Малая курильница располагалась внутри большой и относится к типу «стопок» (рис. 3, 5). Лепка грубая, тесто рыхлое, в нем присутствует шамот. В боковой части отсутствует обычное отверстие.

Среди находок найдена одна пастовая бусина у правой тазовой кости скелета, являвшаяся, скорее всего, амулетом (рис. 3, 7).

Железные наконечники стрел (26 экземпляров) находились изначально в колчане, от которого со-

¹ Антропологический анализ проведен кандидатом исторических наук И. К. Решетовой.

² Трасологический анализ раковины осуществлен кандидатом исторических наук В. В. Килейниковым.

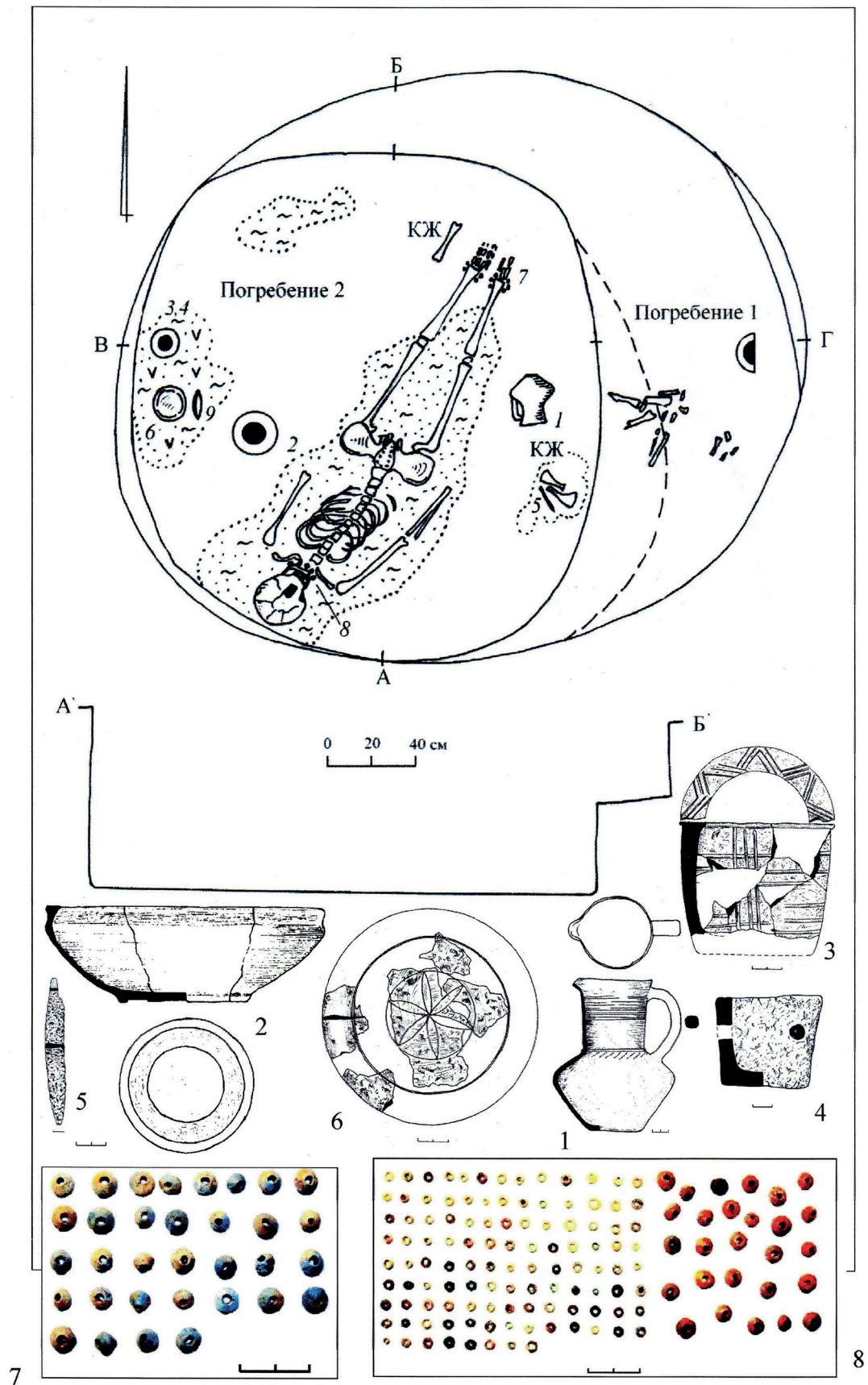

Рис. 2. Новочигольский могильник, погребение 11/2:

1 – кувшин; 2 – миска; 3, 4 – курильница; 5 – кости животного, нож; 6 – зеркало; 7, 8 – бусы. 1–4 – глина, 6 – металл, 7, 8 – паста

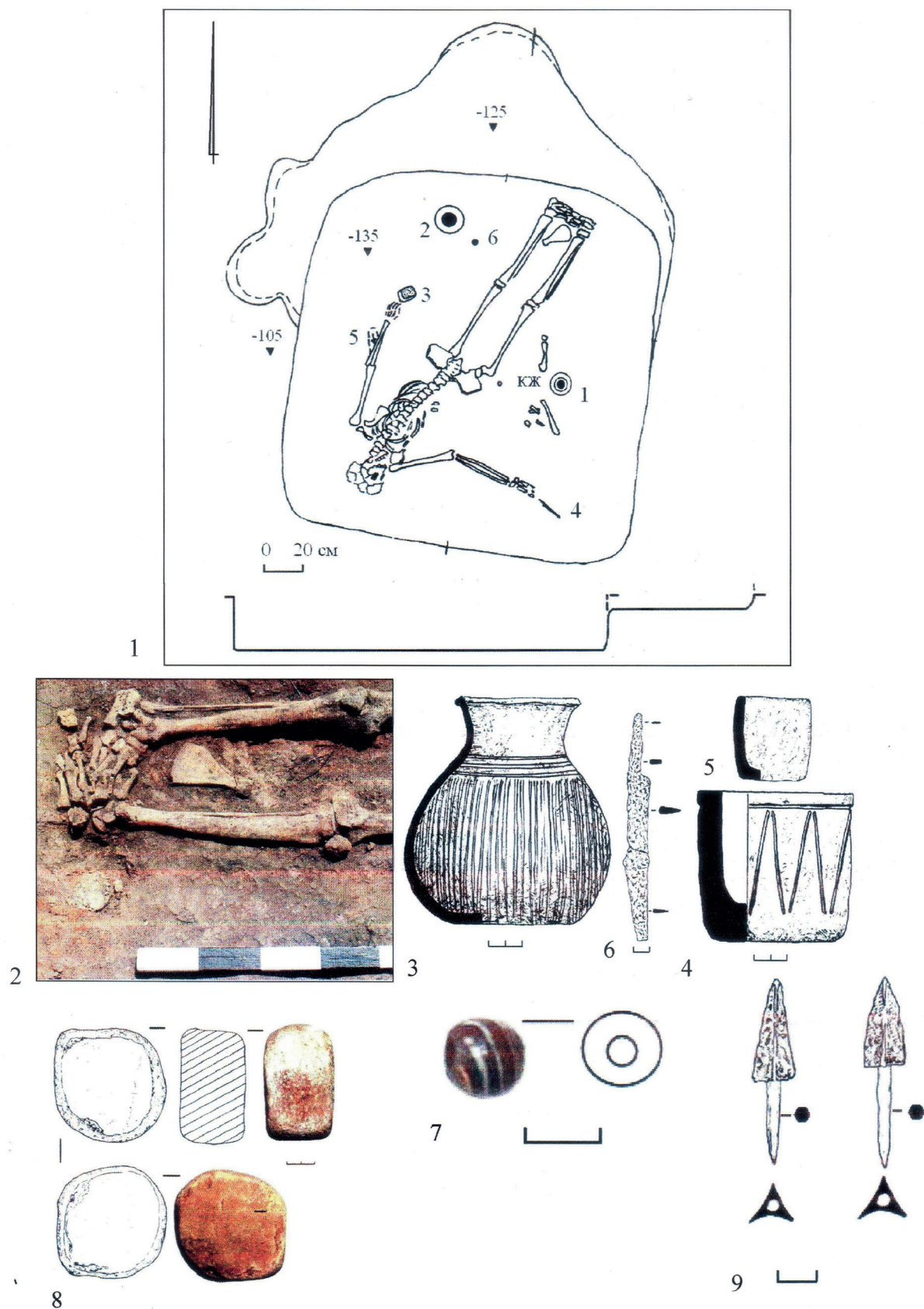

Рис. 3. Новочигольский могильник, погребение 27/2:

1 – план и профиль погребения; 2 – положение ступней; 3 – кувшинчик; 4, 5 – курильницы; 6 – нож;
7 – бусина-амулет; 8 – терочник; 9 – типы наконечников стрел. 3–5 – глина, 6, 9 – железо, 7 – паста, 8 – камень

хранился лишь коричневый тлен. Они принадлежат одному типу – черешковые трехлопастные, с длинным черешком. Это типичные наконечники среднесарматской культуры (см. рис. 3, 9).

Красно-розовое вещество представляет собой, вероятно, разновидность реальгара. Несколько его кусочков лежали между левой ногой и кувшинчиком.

Терочник (см. рис. 3, 8) находился у кисти левой руки погребенной. Он представляет собой плотный песчаник подквадратной формы (7 × 7,5 × 4,5 см) розового цвета с затертыми поверхностями. В. В. Килейников в ходе трасологического анализа не обнаружил явных следов использования изделия и сделал вывод: терочник не использовался в качестве точила для обработки твердых пород камня или металла. Наиболее вероятно его использование в качестве растиральника для мягкой породы, которой мог служить обнаруженный неподалеку реальгар. Лопатка овцы лежала около ступней.

Таким образом, в Новочигольском курганном могильнике обнаружено три женских погребения (из 10), которые отличаются от других женских погребений могильника наличием нестандартных вещей – курильниц (в двух случаях парные), следов огненного ритуала (одно погребение), раковины (одно погребение) со следами использования на деревянном (?) «шесте» или шнуре, реальгара (одно погребение), каменного терочника, лопаток мелкого рогатого скота. Причем последняя в погребении 27/2 намеренно располагалась в отдалении от других костей мелкого рогатого скота между неестественно расположенными ступнями.

При этом отмеченные погребения характеризуются другими «нестандартными» признаками: погребенная 4/1 не имела лучевой и локтевой костей левой руки, которые были отчленены (?) вместе с кистью; у погребенной 11/2 были отчленены обе кисти, причем на левой руке вместе с лучевой и локтевой костями; у умершей из погребения 27/2 руки находились в неестественном положении, как и ступни, развернутые пальцами друг к другу.

В настоящее время можно считать установленным, что понятие «жрицы» малоприменимо к женским сарматским погребениям, поскольку оно указывает на профессиональное занятие, а отсюда на особые, свойственные этой группе обрядовые действия. Ни в скифское, ни в сарматское время достоверно не установлены погребения профессиональных отправителей культов. Предполагается существование для них отдельных кладбищ либо отдельных и особых обрядов. Вместе с тем в савромато-сарматском обществе существовали женщины, наделенные «ритуальными» предметами и признаками, которые не были присущи другим погребенным женщинам. Возникает вопрос об отнесении их к какой-либо

социальной группе, наделенной культовыми признаками.

Существует, например, точка зрения В. Ю. Зуева, который полагает, что краска, угли, реальгар, остатки огненного ритуала, курильницы – все это не более чем свидетельства занятия сарматских женщин «украшательством» с использованием косметики. В качестве примера он ссылается на этнографию недавнего времени: женщины степей Поволжья натирают лицо жиром для предотвращения ущерба лицу в силу дующих ветров и песка [12, с. 65].

Однако такое мнение не выдерживает критики, что и показали исследования Новочигольских курганов. Во-первых, ссылки на недавнюю этнографию не могут быть приняты, поскольку мы имеем дело с разными по времени обществами и разной культурой.

Во-вторых, если бы дело ограничивалось косметикой, то следовало бы ожидать наличия «косметических средств» у каждой женщины, поскольку процесс занятия косметикой носит индивидуальный характер. В реальности этого не происходит. Для примера, в Новочигольском могильнике среди выбранных для погребения женских особ (10 погребений I – первой половины II в. н. э.) три имеют следы краски, использования огня, наличие курильниц, некоторых культовых предметов (раковина со следами использования на деревянном «шесте»). Эти погребенные имеют также некоторые отклонения от стандартных, о которых говорилось ранее. Следует сказать, что могильник не поврежден сурчиными норами: отмечены лишь единичные случаи действия крупных землероев вроде сурка, но вне рассматриваемых погребений. Это обстоятельство позволяет доверять фактам членовредительства, которое применялось к отмечаемым женским погребениям.

Остальные семь погребенных никаких туалетных принадлежностей не имели. Если учитывать, что в курганах погребены не все женщины кочевой популяции (что было показано нами ранее при антропологическом анализе погребенных), то выходит, что на полтора тысячелетия (примерно шесть поколений) мы имеем всего три женщины, которые, видимо, являлись отправителями религиозных обрядов, имея при себе соответствующие культовые предметы. Мы не можем назвать их профессиональными «жрицами», но относим их деятельность, возможно, и не основную, к культовой. Эти женщины осуществляли какие-то обряды при похоронах, праздниках и других важных событиях в жизни семьи, рода, племени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники пятилетних раскопок : в 3 т. / А. А. Бобринский. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1887. – Т. 1. – 172 с.

2. Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1889–1897 : в 3 т. / А. А. Бобринский. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1901. – Т. 3. – 174 с.

3. Алабин П. В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее / П. В. Алабин. – Самара : Губернская Типография, 1895. – 19 с.

4. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов / Б. Н. Граков. – ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.

5. Смирнов К. Ф. Савроматы / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1964. – 381 с.

6. Хазанов А. М. Материнский род у сарматов / А. М. Хазанов // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 138–148.

7. Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии / К. Ф. Смирнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М. : Наука, 1973. – С. 166–180.

8. Шевченко Н. Ф. «Сарматские жрицы», или Еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов / Н. Ф. Шевченко // ВДИ. – 2006. – № 4. – С. 141–154.

Воронежский государственный педагогический университет

Березуцкий В. Д., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

E-mail: berezytski1@rambler.ru

9. Яценко С. А. Статус женщины в сарматском обществе : проблемы интерпретации источников / С. А. Яценко // Выбор метода. Изучение культуры России в 1990 годы. – РГГУ, 2001. – С. 244–252.

10. Яценко С. А. О женщинах-жрицах у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) / С. А. Яценко // Мировоззрение народов южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1 / отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 58–66.

11. Березуцкий В. Д. Новочигольские курганы / В. Д. Березуцкий. – Воронеж : Научная книга, 2021. – 224 с.

12. Зуев В. Ю. Научный миф о савроматских жрицах / В. Ю. Зуев // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы науч. конф. – СПб. : Скифо-Сибирика, 1996. – С. 54–68.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
РГГУ – Российский государственный гуманитарный факультет

*Voronezh State Pedagogical University
Berezutskiy V. D., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Russian History Department
E-mail: berezytski1@rambler.ru*